

Митрополит Иларион: Концепция прав человека не может рассматриваться без представления об ответственности

12 января 2012 года гостем программы «Церковь и мир» на телеканале «Россия 24», которую ведет председатель ОБЦС митрополит Волоколамский Иларион, стал журналист и общественный деятель Максим Шевченко.

Митрополит Иларион: Сегодня мы будем говорить о роли религии в нашем обществе и о религиозном понимании прав человека. Здравствуйте, Максим.

М. Шевченко: Здравствуйте, владыка. Спасибо за то, что пригласили меня в свою передачу. Я недавно вошел в Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации. Больше всего меня поразило, что в проблематике Совета вообще не было темы прав верующих. Я с юных лет, еще с советского времени привык, что защита прав человека – это во многом борьба за права христиан, иудеев, мусульман и так далее. Может быть, это не случайно? Как вообще Церковь относится к концепции прав человека?

Митрополит Иларион: Сама концепция прав человека сложилась после Второй мировой войны, когда для людей стало очевидно, что некие общечеловеческие права должны быть где-то констатированы и зафиксированы для того, чтобы не повторился трагический опыт тоталитарных режимов и мировых войн. То есть сама по себе идея создания Всеобщей декларации прав человека была очень благородна, очень правильна и своевременна.

Но что стало происходить с идеей прав человека впоследствии? Она начала использоваться для оправдания безнравственного образа жизни. Например, встал вопрос о легализации так называемых однополых союзов, и стали говорить: «Это же право человека. Каждый человек имеет право жить с тем, с кем хочет. Следовательно, это надо легализовать». Следующий шаг – это легализация усыновления детей однополыми парами. И опять ссылаются на концепцию прав человека. То есть мы сталкиваемся с односторонним прочтением этой концепции. С другой стороны, те же, кто являются адептами такого расширительного толкования прав человека, как правило, совершенно игнорируют тему, которую Вы затронули, то есть права верующих, права религиозных общин, права религиозных меньшинств.

Концепция прав человека должна на каждом этапе развития человечества дополняться

определенными пунктами и определенными концептами. И здесь у религиозных общин есть очень важная роль, потому что мы сторонники взгляда, согласно которому нравственные ценности не могут быть относительны. Нравственные ценности – это некая абсолютная категория. И для нас критерием нравственной оценки тех или иных вещей являются Божественные заповеди.

Поэтому, конечно, концепция прав человека не может рассматриваться без представления о его ответственности за свои поступки. У человека есть права, но у него есть и ответственность перед самим собой, перед Богом, перед обществом и своими близкими. Как гармонизовать эти идеи? Я думаю, данную задачу мы должны решать в диалоге между религиозными конфессиями и обществом.

М. Шевченко: Владыка, часто так называемые светские, как они себя называют, журналисты, общественные деятели или публицисты пытаются, как мне порой кажется, оставить верующих за бортом совместного проживания, говоря: «У нас светское государство, поэтому верующие не могут демонстрировать, что они верующие, а должны это скрывать». То есть дома можете говорить, что вы православные, католики, мусульмане, иудеи, а в школе или на работе вы обязательно должны быть какими-то усредненными личностями. Кстати, я замечал: в рамках этой парадигмы нельзя показывать, что ты верующий, а вот то, что ты активно неверующий или откровенно безнравственного поведения человек, поощряется к демонстрации в публичном пространстве.

Митрополит Иларион: Мы сейчас являемся свидетелями наступления воинствующего секуляризма (этот термин я употребляю по аналогии с известным по нашей недавней истории воинствующим атеизмом). Что такое воинствующий секуляризм? Это направление мысли, которое отказывает религии в праве на публичное выражение. Приверженцы такого мировоззрения говорят о том, что человек может быть религиозным, но должен это скрывать, он может практиковать свою религию в храме, мечети или синагоге, может быть, еще в своей семье, но нигде в общественном пространстве не может демонстрировать свою религиозность.

А почему, собственно, мы не должны и не можем заявлять о своей религиозности или жить так, чтобы наша религиозность проявлялась и в общественном пространстве? Я исхожу из понимания, которое есть во всех традиционных религиях: религиозность – это не нечто, имеющее место только в личном или приватном пространстве, у религии есть определенный миссионерский императив. По крайней мере, могу сказать это о христианстве. Христос не создавал Церковь только для домашнего употребления. Господь сказал Своим ученикам: «Идите, проповедуйте всем народам» (см. Мф. 28:16-20).

Что значит «проповедуйте»? Мы не можем проповедовать только в стенах храмов или у себя на квартирах. Мы призваны проповедовать везде, где находимся, причем это относится не только к

священнослужителям. Мы ведь и мирянам всегда говорим: «Вы апостолы; являясь членами Церкви, вы уже призваны к апостольству». А что значит апостольство для человека, который не является священнослужителем, работает на светской работе? Это как раз и значит, что в своей общественной, публичной жизни, в своей профессиональной деятельности он может и должен руководствоваться религиозными принципами и делать это открыто.

М. Шевченко: Владыка, здесь есть такой нюанс, который я заметил, и мне важно знать Ваше мнение по этому поводу. Классический либерализм связан с именем Александра Герцена, который выступал за человеческую свободу, за развитие общественных отношений, но был при этом верующим, любил свою Родину. У него была тяжелая судьба, но в целом он был моральным человеком – трудно обвинить его в том, что он был безнравственным. По крайней мере, книга «Былое и думы» - это монументальная исповедь человеческого духа.

Сторонники неолиберализма говорят, что естественное право человека – право жить с кем и как он хочет, но когда верующий или священнослужитель напоминают, что это грех, отвечают: «Грех – это частное понятие. Что плохого делают трансвеститы или транссексуалы, которых мы видим в Булонском лесу в Париже, мэры западноевропейских городов, которые требуют легализации публичных прав таких людей в России?» Правы они или нет?

Митрополит Иларион: Насчет религиозности Герцена хотел бы сказать, что в упомянутой Вами книге «Былое и думы» он довольно отрицательно высказывается о религии. В этом труде содержится мысль, которую можно приблизительно сформулировать так: по его мнению, религия – это темное пятно в душе человека, и оно может так развиваться, что испортит всю его жизнь.

М. Шевченко: Но после смерти жены и детей он пришел к вере, может быть, не к классической православной вере – он стал мистиком.

Митрополит Иларион: В конце жизни многие люди, даже те, которые в молодости выступали против религии, становятся верующими – это очень существенный и важный показатель. Все-таки итог жизни человека рассматривается по тому, как и с чем он ушел из жизни. Но надо сказать, что Герцен внес, конечно, свою лепту в соиздание идеологии либерализма - той идеологии, которая подорвала государственный строй и устои России, способствовала развалу Российской империи и всему тому, что пришло ей на смену, - диктату атеистической идеологии и навязыванию людям атеистических взглядов.

Говоря о религии и о праве религиозного человека на публичное выражение своих взглядов, надо отметить, что между традиционными религиями в этом вопросе существует полная солидарность. Нам говорят: «Вы не должны показывать свои символы, открыто пропагандировать свою религию,

потому что рядом с вами живут представители других религиозных конфессий». Якобы, если вы носите крест, то это может оскорбить верующего мусульманина, расколоть общество, и поэтому общим знаменателем должен быть секуляризм и атеизм.

Так вот, атеизм – это не общий знаменатель для всех религиозных традиций. Наоборот, у нас есть четкое понимание того, что разные религиозные традиции могут и умеют жить вместе. Например, в России накоплен очень богатый многовековой опыт совместного сосуществования представителей разных религий. Причем в дореволюционной России никто не запрещал открыто исповедовать свои религиозные взгляды, в том числе носить соответствующую одежду.

М. Шевченко: Кроме старообрядцев.

Митрополит Иларион: Старообрядцы – это особая и очень болезненная тема. Но надо сказать, что Российская империя, по крайней мере, под конец своего существования, пришла к тому, что и старообрядцам было разрешено открытое исповедание своей веры.

М. Шевченко: Владыка, с Вами всегда безумно интересно разговаривать. Вы один из самых образованных людей нашего времени, и для меня большая честь беседовать с Вами.

Насчет Герцена хотелось бы поспорить. Скажу, если Вы позволите, буквально два слова. Николаевская Россия, где были военные поселения людей, по большей части бесправных - их он описывает в своем романе, - являлась маложизнеспособным государством, что и доказала во второй половине XIX века. Во времена Герцена распространились идеи утопистов Ш. Фурье и А. Сен-Симона, неправильно и с некоторой горячностью трактованные московской и петербургской молодежью, представителей которой могли сослать на каторгу всего лишь за стихотворение. Тогда все здоровые и бурно развивающиеся с приходом капитализма силы просто опережали логику внутреннего видения империи, которая была в сознании правителей.

К сожалению, Церковь в империи была несвободна, и время, когда даровали свободу исповедания старообрядцам (Указ о веротерпимости 1905 года), было связано и для Православной Церкви с огромным возрождением. Тогда епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх, посещает философские общества; ведутся беседы, дискуссии, которые потом просто прекратились «с помощью» подвалов ЧК: кто-то был расстрелян, кто-то выкинут за границу, кто-то брошен в лагерь.

Что же касается того понимания свободы, которого Вы коснулись, оно является важнейшим. И вот что является для меня вопросом: современные неолибералы, которых я, конечно, никогда не поставлю рядом с Герценом, ибо он с ужасом отшатнулся бы от них, говорят, что естественная,

«животная» природа человека (а они считают человека животным), позволяет людям заключать гомосексуальные браки, жить, как угодно. И они не понимают, почему верующие, Церковь (позиции православных и католиков по этому вопросу совпадают) запрещают современному западному человеку «самовыражаться».

Митрополит Иларион: В этой неолиберальной идеологии вообще отсутствует понятие греха: недопустимо только то, что нарушает права людей, а любые нравственные категории объявляются относительными. Постулируется, что нравственно то, что мне приятно, что меня устраивает, помогает чувствовать себя комфортно и так далее.

Понятие греха для любой традиционной религии, будь то христианство, иудаизм, ислам, буддизм, является ключевым, хотя трактуется по-разному. Что такое грех? Это искажение человеческой природы. Мы говорим о том, что человеческая природа, которая была создана Богом благой и склонной к добру, подвергается искажению, когда человек совершает грехи. Эта очень простая религиозная истина была утрачена неолибералами.

Кстати, она была утрачена еще философами эпохи Просвещения, которые считали, что все проблемы человечества происходят от того, что людей плохо учат - если их правильно научить, то зло исчезнет из человеческого сообщества. Однако оно не исчезает.

Именно те идеологии, которые были построены на идеях эпохи Просвещения, идеях либерализма, принесли человечеству наибольшее зло и обернулись многомиллионными жертвами. Причина заключается в том, что в основе этих идеологий лежит неправильная антропология, то есть нереалистичное представление о человеке: вот обучишь его - он будет все делать, как надо. Но в человеке есть зло, и религии помогают человеку бороться с ним.

Почему у нас существует Таинство исповеди, для чего человек, даже совершая вновь и вновь те же самые грехи, снова и снова приходит на исповедь к священнику и приносит в них покаяние? Для того, чтобы происходило очищение от греха как от внутренней болезни, внутренней порчи.

Если это представление о грехе отсутствует, если любые нормы поведения объявляются допустимыми и нормальными, то мы теряем нравственный критерий, который позволяет личности развиваться, и обществу существовать. Поэтому абсолютные нравственные нормы, которые заложены в религиозных традициях, конечно, должны иметь место не только в личной жизни человека, но и в общественном пространстве.

К сожалению, наш разговор подходит к концу. Спасибо Вам, Максим, за то, что были гостем передачи.

М. Шевченко: Спасибо, владыка, за приглашение.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/53221/>